Ермак

Спервоначала Ермак разбой держал по синю морю Каспицкому, да по матушке Волге-реке. […] А потом спокаялся, очувствовался и захотел загладить грехи и все винности свои как перед Господом Богом, так и перед царем державным. Для этого, не спросясь, не доложась, без указа, значит, государева, пошел и покорил Сибирь: выходит, самовольно покорил. Из Сибири пришел в Москву к царю с повинною. Хорошо. Царь собрал бояр на совет: что делать с Ермаком? Один боярин сказал: «Надо-де Ермаку голову срубить». А Ермак на те его слова сказал: «Не к тебе я пришел, а к царю: царь меня и суди. Я сам не хуже тебя!» С этим словом Ермак выхватил из ножон саблю вострую и смахнул тому боярину буйну голову. Об этом и в песне сказано. Все остальные бояре ужастились, прикусили язычки; а иные из царских палат убежали: так солон пришелся им Ермак. Царь и говорит:

— Ай да Ермак! В беде сидит, бедой кутит!

А Ермак молчит, стоит, не шевелится, смотрит прямо в глаза царю, не смигнёт, будто и не про него речь. Царь спрашивает его:

— Как ты смел мои корабли разбивать?

Ермак отвечает:

— Ваше царское величество! Не прикажи казнить, прикажи слово молвить. Разбивал я корабли татарские, армянские и все басурманские. В том числе, видно, и твои под руку подвернулись. Почем я знал, что твои? Они ведь не орлены, не клеймены!..

— Резон! — говорил царь.— Правда, корабли мои не орлены, не клеймены. А ну, — спрашивает царь, — как ты смел в моих глазах боярина моего убить?

— А как он смел, — отвечает Ермак, — как он смел в твоих глазах такие дерзкие слова говорить, чтобы мне голову срубить? Никакое яройское сердце этого не вытерпит! Есть-когда я винен, суди ты, а не боярин: я сам не хуже его, може, еще получше!

Сказал это Ермак и ударил кулаком себя в грудь, индо стальной лат на нем затрещал и лопнул по спайкам.

— Резон! — говорил царь. — Умеешь дела делать, умеешь и ответ держать. За Сибирь все вины тебе прощаю. Только, — говорит, — сослужи мне еще одну службу, последнюю; а там — хошь служи, хошь на спокой иди. Не хватает у меня силы-мочи Казань и Астрахань взять. Возьми, — говорит, — Казань и Астрахань на мое царское имя, да без рати, — говорит царь. — По крайности на мою не надейся: нет у меня; всю, — говорит, — растеряли глупые воеводы. Извернешься, чай, как-нибудь? — спрашивает царь.

— Еще бы! — говорит Ермак. — Не учиться стать. Не впервой такие дела обрабатывать. Оба града,— говорит, — в три часа с половиной возьму; и рати с тебя не спрошу: свою найду. Затем,— говорит, — прощенья просим; счастливо оставаться, ваше царское величество!

И пошел Ермак на Казань и Астрахань. И взял Ермак Казань и Астрахань, взял без силы-рати, один взял с двумя своими вестовыми,— сам-третей, значит. — Ермак, между нами будь сказано, с прибыльцой немного был, — добавил рассказчик, — тоись имел в послушании у себя малую толику шишигов (чертей). Где рати недоставало, там он и выставлял их.

Взявши Казань и Астрахань, Ермак опять уехал в Сибирь: сторона та ему очень понравилась. Поехал Ермак в Сибирь затем, чтобы жизнь свою там кончить. Царь послал ему туда, за Казань и Астрахань, богатеющий подарок — золотой лат, в двенадцать пуд. Ермак обрадовался царскому подароку и задал товарищам своим банкет на лодках посередь Иртыш-реки. Пили, гуляли, из пушек палили, Расею и царя прославляли. Ермак нарядился в царский лат, разгуливал по банкету, с лодки на лодку перепрыгивал, но как-то неспопашился, оступился и полетел в воду, и попал в самую тоись суводистую суводь! Она его, голубчика, и втянула. Справиться-то он никоем манером уже не мог, потому самому, что на нем был царский лат двенадцать пуд: он пуще всего и утопил его. Таким-то побытом и кончил жизнь свою воитель Ермак, сын Тимофеевич!

(Зап. от А. Д. Барсукова на р. Урал.)

Уральцы: Очерки быта уральских казаков // Полн. собр. соч. И. И. Железнова. 3-е. изд Спб., 1910. Т. 3.